

Татiana

для

Оболенской

18+

M.A.R.I

Палач для Оболенской

«Автор»

2026

M.A.R.I

Палач для Оболенской / M.A.R.I — «Автор», 2026

После внезапного исчезновения Владислава Алина Оболенская оказывается на грани: страх за брата, чувство вины и одиночество подталкивают её к краю. В попытке хоть ненадолго заглушить тревогу подруга тянет её в клуб «Оникс» — место, где правит не музыка, а сила. Там Оболенская сталкивается с Филиппом — хозяином клуба, человеком, чьё спокойствие холоднее любого крика. Между ними возникает напряжённая, болезненная связь: он привык всё контролировать, она — всё чувствовать и прятать. В его присутствии Алина одновременно замирает от страха и ловит себя на мысли, что именно эта стальная уверенность могла бы защитить её и Влада. Это история о том, как в моменты самой сильной уязвимости человек тянется не к мягкому свету, а к твёрдой опоре, даже если эта опора ранит. О выборе между безопасностью и отчаянной надеждой. И о том, какую цену приходится платить за чувство, которое рождается на стыке страха и притяжения.

© M.A.R.I, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Разлом"	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

М.А.Р.І

Палач для Оболенской

Глава 1 "Разлом"

Дождь не просто лил — он бил по асфальту, как очередь из автомата. Владислав застегнул кофту до самого подбородка, бросил последний взгляд на тёмное окно их квартиры — будто надеялся, что Алина не подойдёт, не прижмётся к стеклу, не сделает ему ещё больнее. Но она не появилась. И от этого было ещё хуже.

Он уже шагнул к лестнице, когда дверь соседней квартиры резко распахнулась. Из щели высунулся сосед, дядя Витя, в растянутом свитере, с сигаретой в зубах:

— Эй, парень, ты куда в такую погоду? Влад замер. В груди всё сжалось. Дядя Витя был хорошим человеком, но слишком любопытным. А сейчас любое лишнее слово могло стоить слишком дорого.

— Да вот к другу. На ночь. Завтра вернусь.

Сосед прищурился, будто чувствовал фальшь, как запах гари.

— А чего с сумкой?

— Вещи кое-какие для рыбалки.

Дядя Витя хмыкнул, но не стал давить. Только кивнул на подъездную дверь:

— Смотри, не простынь. Погода — жуть.

Как только дверь за ним щёлкнула, парень рванул вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. В кармане вибрировал телефон — опять тот самый номер, от которого он уже три раза сбрасывал. Он не смотрел на экран. Не мог. Если посмотрит — сорвётся.

На улице ветер швырнул в лицо горсть ледяных капель. Машина стояла у бордюра, мокрая, будто её только что вытащили из реки. Влад дёрнул ручку, запрыгнул внутрь, тут же захлопнул дверь, отрезая шум ливня.

Ключ в замке зажигания дрожал в его пальцах. Мотор чихнул, прокашлялся и наконец ожил. Артём вдавил сцепление, резко выкрутил руль, выворачивая со двора так, будто за ним уже гнались.

И, возможно, гнались.

Он не успел выехать на проспект, как в зеркале заднего вида вспыхнули яркие фары — крупный внедорожник, слишком тяжёлый для этой узкой улицы, нёсся следом, не включая поворотников, не соблюдая дистанцию.

Сердце Оболенского рухнуло вниз. Он знал эту машину. Видел её у подъезда два дня назад, когда выносил мусор. Тогда он подумал, что это совпадение. Сейчас совпадений не осталось.

— Чёрт — выдохнул он, вдавливая педаль газа.

Машина рванула вперёд, шины взвизгнули на мокром асфальте. Оболенский петлял по дворам, срезал через арки, вылетал на параллельные улицы, но внедорожник не отставал. Его фары слепили, как прожекторы, выхватывая из темноты только мокрый асфальт, лужи, серые стены домов.

На перекрёстке загорелся красный. Влад не остановился. Пролетел на запрещающий, едва не зацепив бок легковушки, которая возмущённо взвыла клаксоном. В зеркале мелькнуло, как внедорожник тоже проскочил на красный, не сбавляя скорости.

«Они не будут стрелять посреди города, — твердил себе Влад, хотя голос внутри шептал: А вдруг сегодня им всё равно?»

Он свернул на узкую улицу, где между домами едва протискивалась одна машина. Здесь фонари не горели — только редкие жёлтые пятна света из окон. Внедорожник за ним замедлился, но не остановился. Владислав видел, как из окна высунулась рука, как блеснуло что-то металлическое

Он резко крутанул руль, уходя в резкий поворот, и в этот момент услышал глухой удар — внедорожник всё-таки зацепил задний бампер его седана, толкнул, подбросил на выбоине. Машину повело, парень вцепился в руль, выравнивая траекторию.

Телефон в кармане снова завибрировал. На этот раз он не выдержал, выхватил его на секунду, пока мчался по тёмной улице. На экране горело: «Входящий — Сергей Петрович». Тот самый «друг», который обещал помочь. Влад нажал «принять», прижимая телефон плечом к уху, не отрывая глаз от дороги.

— Я еду, — выдохнул он. — Они за мной. Прямо сейчас.

— Где ты? — голос Сергея Петровича звучал спокойно, слишком спокойно для того, что творилось вокруг.

— На Заводской, сворачиваю на Лесную

— Не туда. Там тупик. Уходи на объездную, я скину координаты. И не останавливайся.

Экран телефона мигнул, пришло сообщение с точкой на карте. Парень мельком глянул, тут же снова уставился на дорогу. Впереди мелькнул просвет — выезд на широкую трассу, где можно было разогнаться, оторваться.

Но когда он вылетел на обочину, собираясь влиться в поток, из темноты прямо перед капотом метнулась фигура в тёмной куртке. Человек замахал руками, будто пытался его остановить.

Влад ударил по тормозам. Машина завизжала шинами, пошла юзом по мокрому асфальту. В этот момент сзади раздался тяжёлый удар — внедорожник не успел среагировать и впечатался в багажник.

Мир на секунду замер. Потом он услышал, как щёлкают замки дверей, как хлопают дверцы внедорожника. Голоса, резкие, чужие, приказывали:

— Выходи! Руки на капот!

Он замер, глядя перед собой. В голове билась только одна мысль: «Алина. Если меня заберут сейчас, она останется одна. Без защиты. Без всего».

Резко крутанув руль, Влад рванул вперёд, прямо через узкий просвет между отбойником и фонарным столбом. Машина скрежетнула металлом, но пролезла. Он снова вылетел на трассу, влился в поток, растворяясь среди сотен других огней.

За спиной остались крики, свет фар, опасность. А впереди была только тёмная лента дороги и обещание, которое он дал сестре: «Я вернусь».

Теперь он должен был выжить, чтобы сдержать слово.

* * *

Алина стояла посреди прихожей, и тишина давила сильнее, чем любой крик. Хлопнула дверь - и будто выключила звук во всём мире. Только дождь за окном продолжал стучать, равнодушный, бесконечный, как метроном, отсчитывающий секунды, в которые её жизнь успела развалиться.

Она не сразу поняла, что произошло. Сначала подумала: «Сейчас вернётся. Забыл ключи. Или телефон. Или просто не смог уйти». Она даже шагнула к двери, чтобы распахнуть её навстречу, сказать: «Стой, давай поговорим ещё пять минут, я всё пойму». Но минуты шли. Пять, десять, двадцать. Влад не возвращался.

Конверт на тумбочке выглядел как улика. Белый, аккуратный, будто специально подобранный, чтобы не бросаться в глаза. Алина не хотела его брать. Если возьмёшь — значит, признаёшь: он действительно уехал. Но пальцы сами потянулись, схватили, смяли уголок. Внутри — деньги, листок с адресом и номером. Всё по делу. Всё, чтобы она не мешала.

— «Не мешала», — прошептала Оболенская, и слово обожгло, как соль на царاپине. В голове крутились обрывки их последнего разговора.

«Я должен уехать. Это ненадолго».

«А ты не можешь подождать до утра? Мы хотя бы поедим нормально»

«Прости, Алин. Времени нет».

Тогда она подумала, что он просто нервничает. Что это обычная суета перед дорогой. Что утром они выпьют кофе, он улыбнётся и скажет: «Ну вот, видишь, всё не так страшно».

А он взял и ушёл. Молча. Пока она сидела на кухне, смотрела в чашку с остывшим чаем и думала, что у него просто тяжёлый день.

Алина прошла по квартире, будто проверяя, не спрятался ли он где-то в тени. В его комнате пахло его курткой, старым парфюмом, той самой жизнью, которая теперь казалась чужой. На столе лежал блокнот, раскрытый на странице с заметками: «автобус 6:40», «не забыть зарядку», «позвонить Сергею». И ниже, мелким почерком, почти стёртым: «если не получится — Алинка в деревне».

— Не получится, — повторила она, пробуя фразу на вкус. И вдруг поняла: Владислав не верил, что у него получится. Он уходил не «на время». Он уходил, чтобы не втягивать её в то, во что сам вляпался.

И от этого стало ещё больнее. Не от предательства — от того, что он решил всё за неё. Решил, что лучше она будет сидеть тут одна, в пустой квартире, чем поедет с ним и увидит, как он ломается.

За окном мелькнули фары. Алина метнулась к окну, прижалась лбом к холодному стеклу, всматриваясь в темноту. Сердце подпрыгнуло: «Вернулся! Одумался!» Но машина проехала мимо, свернула за угол, растворилась в дожде.

Она села прямо на пол в коридоре, там, где ещё пахло его кроссовками, и обняла колени. Хотелось плакать, но слёзы будто застыли где-то внутри, не могли пробиться наружу. Вместо этого пришла злость — острая, колючая, она помогала дышать.

«Он не имеет права так делать, — стучало в висках. — Не имеет права решать за меня. Я не ребёнок. Я могу помочь. Или хотя бы быть рядом, когда ему плохо» Девушка сжала в руке конверт. Потом резко встала, схватила куртку с вешалки, натянула её прямо поверх домашней футболки. Пальцы дрожали, застёгивались с трудом.

На столе мигнул экран телефона — сообщение от подруги: «Ты где? Я тебе звонила» Она не ответила. Сейчас не до разговоров. Сейчас нужно было сделать что-то, а не сидеть и ждать, пока жизнь сама расставит всё по местам.

Она посмотрела на листок с адресом. Город, улица, дом. Ничего особенного. Просто набор слов, за которыми скрывалась новая жизнь Влада — без неё.

— Ну уж нет, — прошептала Алина, пряча листок в карман. — Ты не можешь просто взять и исчезнуть.

Дождь хлестал по лицу, когда она выбежала из подъезда. Вода стекала по волосам, затекала за воротник, но Оболенская младшая почти не чувствовала холода. Она шла вдоль дороги, высматривая такси, прислушиваясь к каждому шуму, будто надеялась услышать знакомый голос, который окликнет её: «Алин, стой! Куда ты?»

Но никто не окликал. Город жил своей жизнью: машины неслись по лужам, разбрасывая брызги, фонари отражались в воде, превращая улицы в размытые картины. А она была здесь чужой. Или, наоборот, слишком настоящей — единственной, кто не хотел принимать правила этой новой реальности.

Телефон завибрировал. На экране — пропущенный от Влада. Один. Короткий. Как будто он всё-таки не выдержал и нажал «вызов», но тут же сбросил, поняв, что сказать нечего.

Алина остановилась под козырьком магазина, где дождь не бил прямо в лицо, и набрала его номер. Гудки тянулись бесконечно, а потом переключились на автоответчик.

— это я, — голос дрогнул, но она заставила себя говорить твёрдо. — Ты не можешь вот так просто уехать и ничего мне не сказать. Если ты слышишь это сообщение знай: я не собираюсь сидеть и ждать. Я найду тебя. Даже если ты не хочешь, чтобы я тебя нашла.

Она нажала «отбой», сунула телефон обратно в карман и подняла голову. Впереди, сквозь пелену дождя, виднелся светящийся знак такси. Она сделала шаг вперёд, и тут же дождь хлестнул по лицу, заставил зажмуриться. Ещё шаг — и она окажется у двери такси, скажет водителю адрес, и всё: точка невозврата. Машина тронется, город начнёт мелькать за окном, и она поедет туда, где её никто не ждёт. Туда, где, возможно, её брат сейчас прячется, оглядывается через плечо и молится, чтобы она осталась в безопасности.

И именно эта мысль вдруг пригвоздила её к месту.

«Он не хотел, чтобы я ехала с ним. Он специально ушёл, пока я не видела, чтобы я не увязалась следом. Он думал, что так защитит меня».

Девушка прислонилась спиной к холодной стене магазина. Пальцы, сжимавшие листок, побелели. Она развернула его, посмотрела на строчки: город, улица, дом. Буквы расплывались от капель воды, стекавших с волос.

— Глупо, — прошептала она, скорее себе, чем кому-то ещё. — Я даже не знаю, добрался ли он туда. Может, он вообще не туда ехал. Может, этот адрес — просто первая попавшаяся точка, чтобы мне было спокойнее.

Ветер швырнул в лицо ещё одну порцию дождя, и Алина плотнее закуталась в куртку. Внутри всё ещё кипела злость: «Как он мог так поступить? Как мог решить всё за меня?» Но злость теперь смешивалась со страхом — холодным, липким, тем самым, который приходит, когда понимаешь, что ты одна и не знаешь, что делать дальше.

Она достала телефон. На экране всё ещё висело то самое пропущенное от Влада. Один короткий звонок — и сразу сброс. Будто он поднял трубку, услышал, как она берёт, и не смог выговорить ни слова. Или боялся, что если услышит её голос, то развернёт машину и поедет обратно, прямо в лапы тем, от кого бежал.

Алина набрала его номер. Снова длинные гудки, снова автоответчик.

— Владик, это я, — сказала она в пустоту, и голос прозвучал неожиданно тихо, будто она боялась, что кто-то чужой подслушает. — Ты не можешь просто взять и уехать, ничего не сказав. Я стою тут, под дождём, и не знаю, куда идти. Если ты слышишь пожалуйста, просто ответь. Хоть эсэмэску скинь. Хоть смайлик. Что угодно.

Нажала «отбой», спрятала телефон, будто он вдруг стал слишком тяжёлым.

Рядом хлопнула дверь магазина, вышла женщина с пакетом, накинув на голову капюшон. Прошла мимо, не глядя, скользнула взглядом по девушке, как по чему-то привычному — ещё один человек, прячущийся от дождя. В витрине отразилась Оболенская: мокрая, сжавшаяся, с тёмными прядями, прилипшими ко лбу. Чужая даже самой себе.

«А если я поеду, — подумала она вдруг, — и найду его что дальше? Он обрадуется? Или разозлится, что я всё испортила? Что теперь и мне придётся прятаться, оглядываться на каждый шорох, бояться каждого звонка?»

В животе неприятно сжалось. Она вспомнила, как вчера Влад вздрагивал от звука уведомления, как прятал экран телефона, если она подходила ближе. Вспомнила тот конверт на тумбочке — как будто он заранее готовился к тому, что придётся бежать. И поняла: он не просто «попал в неприятности». Он по-настоящему боялся. А значит, там, куда он ехал, было опасно. Не для него одного — для них обоих.

Такси мигнуло поворотником, собираясь уезжать. Водитель посмотрел на неё.

- Ну, садись или нет? Ты здесь не одна! Он будто выругался.

Она покачала головой, сама не зная, кому именно говорит «нет» — водителю, брату, своей злости или этому дождю, который пытался смыть её сомнения.

Машина тронулась, растворилась в серой пелене, и Алина осталась стоять под козырьком, чувствуя, как холод пробирается под куртку, как дрожат пальцы, как тишина вокруг становится всё гуще.

Она не поедет. Не сегодня. Не так.

Вместо этого она вернётся в квартиру, закроет дверь на оба замка, сядет на пол там, где ещё пахнет братом, и будет смотреть на этот мокрый листок, пока буквы не перестанут расплываться. А потом потом она придумает другой план. Такой, где она не бежит за ним, как потерявшийся щенок, а помогает по-взрослому. Где она не станет обузой, а станет опорой.

Алина повернулась и пошла обратно к подъезду. Дождь всё так же хлестал по асфальту, но теперь она почти не замечала его. В голове уже складывались первые шаги: проверить его почту, посмотреть историю браузера, найти хоть какуюто зацепку, которая объяснит, от кого он бежал и почему решил, что ей там не место.

Дверь подъезда хлопнула за ней, отрезая улицу, дождь, такси и весь этот чужой, враждебный город. Внутри пахло старой краской и домом — пусть пустым, но своим.

Оболенская сняла мокрую куртку, повесила её на крючок, где рядом всё ещё висела куртка Влада, и остановилась, глядя на неё. Потом достала из кармана листок, разгладила его на столе, достала ручку и начала записывать всё, что могла вспомнить: номера, имена, обрывки фраз, которые раньше казались ей ерундой.

Телефон снова завибрировал. Девушка схватила его, сердце подпрыгнуло. Но это был не Влад — подруга писала: «Ты где? Я волнуюсь».

Алина напечатала, стараясь, чтобы буквы не прыгали: «Дома. Всё нормально. Просто дождь сильный».

Отправила. И, впервые за вечер, почувствовала, что сказала хоть какуюто правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.